

Цюй Цзайян резко обернулся, заметив, как к нему тянется тонкая ладонь. Он увернулся, перехватил руку, но Вторая матушка Гао, стиснув зубы, вырвалась из захвата:

— Пусти меня!

Ее рука, подернутая шероховатостью, мазнула по лицу Цюя, оставив едва заметную царапину.

— За что? Почему ты так со мной поступаешь? — Гао вцепилась в него мертвой хваткой, в ее глазах стояли слезы. — Почему именно ты встретился мне на пути?! За какие грехи мне это наказание...

Цюй Цзайян горько усмехнулся:

— А что я сделал? Может, стоит вспомнить собственные поступки? Если бы вы не натворили дел, я бы при всем желании ничего не смог предпринять, верно?

Почему люди, пожинающие плоды собственного выбора, никогда не находят в себе сил опустить голову и признать свои ошибки?

— Если бы не ты, мой отец был бы жив! Он бы не умер, понимаешь ты это или нет?! — последний вскрик Гао Энян сорвался на хриплый вой. Весь груз ответственности, гнева и отчаяния, копившийся в ней последние дни, обрушился на него.

Цюй Цзайян замер, оглушенный этим бессмысленным обвинением.

Снова. Снова кто-то винит его в чьей-то смерти.

Где-то глубоко внутри распахнулся ящик Пандоры. Голоса из старых кошмаров, твердящие одно и то же, слились с криком женщины перед ним. Обвинения обвивали его, как змеи, и он не мог ни стряхнуть их, ни убежать.

«Если бы не ты, он... она... была бы жива».

— И что же я такого сделала? Мне нужны были деньги! Ты хоть представляешь, как мне были нужны деньги?! — Гао Энян трясла его за ворот школьной формы, тыча пальцем ему в грудь. — Ты... Ха-ха... Да что ты смыслишь? Мои гроши здесь не стоят и пары твоих кроссовок. Ты, живущий за счет родителей и не знающий суровости жизни, — по какому праву ты меня судишь?

Она сорвалась на холодный смех, пряча в уголках глаз постыдные слезы взрослого человека. Из-за конфликта с Цюй Цзайяном директор отстранил ее от работы в элитном классе. Она лишилась премий и пособий, а из-за «педагогических ошибок» ей урезали зарплату за

полмесяца. Если бы не он, у нее хватило бы средств на лечение. Если бы отец продолжал получать терапию, он, возможно, не ушел бы так внезапно.

Цюй Цзайян до боли сцепил зубы. По лбу катился холодный пот. Прошлое и настоящее сплелись в один узел; он тонул в волне двойного порицания. То самое чувство — когда тысячи рук толкают тебя в спину, и некуда спрятаться, нечем дышать.

— Я разведенная женщина! На эти копейки я тянула ребенка и старика, прикованного к больничной койке! Ты хоть знаешь, какую ношу я несла?! А теперь ты всё разрушил! Я осталась без работы, ты доволен?! Что мне завтра есть?! Это всё ты! Всё ты! — Она кричала, понимая, что он стал той самой последней соломинкой, переломившей хребет верблюда.

Если бы не донос Цюй Цзайяна, школа никогда не узнала бы о ее махинациях. Теперь ее карьера была не просто разрушена — в личном деле красовалось жирное пятно. Кому какое дело до ее стажа во Второй средней школе, если с таким «волчьим билетом» найти работу труднее, чем взойти на небо?

— Почему ты просто не сдохнешь?! — Гао окончательно обезумела. Отшвырнув парня, она схватила лежавшую на земле сумку и принялась в ней лихорадочно рыться. — Сдохни!

Она выхватила канцелярский нож. Лезвие холодно блеснуло на солнце. Ее рука, привыкшая держать мел, мелко дрожала; она целилась прямо в шею Цюй Цзайяна.

Цюй смотрел на сталь, но даже не шелохнулся.

«Может, так и вправду будет лучше? Всё равно моя жизнь...»

— Грох! — Нож выбили из ее рук. Он звякнул об асфальт и отлетел далеко в сторону.

Цюй Цзайян поднял голову. Длинная челка, намокшая от пота, слиплась и лезла в глаза, мешая обзору, но сквозь пелену он отчетливо увидел силуэт Ли Гэнчэня.

Ли Гэнчэнь, отшвырнув нож, никак не мог унять бешено колотящееся сердце. Первое, что он увидел, прибежав сюда, — как острие замерло у самого горла Цюя.

А этот мелкий придурок даже не пытался уклониться!

Ли Гэнчэнь рванул Вторую матушку Гао в сторону, отталкивая подальше от Цюя. Глянув на невменяемое состояние своего соседа по парте, он ощутил дикое желание просто уничтожить эту женщину.

Подойдя к упавшей на землю Гао, Ли Гэнчэнь процедил с ледяной усмешкой:

— С какой стати твоя никчемность и ошибки должны становиться чужой ношей? Что сделал Цюй Цзайян? Почему он должен оплачивать счета твоей паршивой жизни?

— Твоя трагедия не дает тебе права творить зло. Кто виноват в смерти твоего отца? Врачи? Директор? Цюй Цзайян? Или ты сама?!

— Ты просто трусиха. Ты настолько слаба, что боишься признать потерю отца. Ты не можешь смотреть в лицо своей жалкой реальности и собственной грязи.

— Ты взрослая женщина, а пытаешься свалить вину на невинного ребенка.

— Как тебе не стыдно называться учителем?!

Цюй Цзайян стоял в стороне, глядя на Ли Гэнчэня, прижимавшего Гао к стене своими вопросами. Первой мыслью, промелькнувшей в голове, было: «Надо же, этот великий лентяй впервые заговорил так много».

Когда прибыли директор и Лао Му, Ли Гэнчэнь меньше чем за десять минут уладил всё и с администрацией, и с Гао Энян.

Му Цинфэн был в ярости, но Брат-монах замял инцидент — огласка не пошла бы на пользу никому. К счастью, когда Гао Энян доставили в участок, остатки разума всё же вернулись в ее голову.

— Хм, — Цюй Цзайян, вспомнив, как Гао в конце концов выдавила из себя извинение, почувствовал тошноту.

Чэн Нань сидел за столиком уличной закусочной, уплетая такояки и прихлебывая чай с молоком. Услышав, что Цюй хочет в туалет, он не удержался:

— Эр-ма, а почему именно в туалет?

Цюй Цзайян выхватил у него последний шарик осьминога, тщательно прожевал и проглотил:

— Потому что меня тошнит.

И от ситуации, и от нее самой.

Вспомнив, как он снова провалился в воронку прошлого из-за ее слов, парень понял: если бы

не Ли Гэнчэнь, который раз за разом вдалбливал ему, что он не виноват, он бы так быстро не пришел в себя.

—??? — Чэн Нань почесал затылок, подозрительно прищурившись. — Эр-ма, неужели всё так просто? Наш Бог учёбы так легко промыл тебе мозги парой фраз?

Заметив, что Цюй молчит, Чэн Нань повернулся к Ли Гэнчэню, который молча разделялся с шашлычками. Ли отложил бамбуковую шпажку и посмотрел на Цюй Цзайяна, который упорно избегал его взгляда.

— Конечно... нет.

Тогда Му Цинфэн порывался вызвать полицию — шутка ли, учитель бросается на ученика с ножом? Совсем с катушек съехала.

Ли Гэнчэнь сказал, что ему плевать, что будет с Гао, но он не хотел, чтобы Цюй Цзайян снова таскался по участкам — не хватало еще новых слухов. Он просто забрал парня, отвел в самый укромный вип-зал интернет-кафе.

Там Ли Гэнчэнь даже не стал включать компьютер. Он притянул Цюя к себе, гладил его по взъерошенной макушке и заставлял повторять вслед за ним:

«Я не виноват».

«Они сами никчемны, умеют только перекидывать ответственность».

«Я самый-самый лучший. Мой сосед по парте любит меня больше всех на свете».

«Если кто-то уходит — это не из-за меня. Я тут ни при чем».

...

Сначала Цюй Цзайян вообще не воспринимал слова. Между ними, сидящими вплотную, будто выросла глухая бетонная стена. Ли Гэнчэнь повторял и повторял, как заведенный, ввинчивая фразы ему в уши. словно тупой гвоздь, который во что бы то ни стало нужно забить в эту монолитную кладку.

Чэн Нань дослушал до конца; его шашлык давно остыл, но он так и не открыл рта. Было в этом что-то... странное.

«Почему у меня такое чувство, будто великий Бог учёбы, спасая соседа из беды, попутно

провернул какую-то личную аферу?»

Всё случилось на стадионе во время уроков, народу было мало. Те, кто знал, держали язык за зубами, а Цюй Цзайян, Ли Гэнчэнь и Чэн Нань тем более не собирались трепаться на каждом углу.

— Погоди, — Цюй Цзайян шел вместе с ними к учебному корпусу. После сытного перекуса пора было приниматься за учебу, но... — Мы с Гэнчэнем не из болтливых, а вот насчет тебя я не уверен.

— Обижаешь! — Чэн Нань гордо вскинул голову и ударил себя кулаком в грудь. — Да я могла! Если бы меня на войне враги пытали раскаленным железом, я бы и пикнуть не посмел.

— Да неужели? — Цюй Цзайян со смешком переглянулся с Ли Гэнчэнем. — По-моему, едва завидев утюг, ты бы сдал нас первым.

— Эр-ма! Как ты можешь так обо мне думать?!

— Как? — Цюй Цзайян увернулся от выпада Чэн Наня и спрятался за спину Ли Гэнчэня, выглядывая из-за его плеча. — Я еще не забыл, благодаря кому вся школа теперь зовет меня Второй мамой!

Чэн Нань почесал затылок и зашел в класс с таким видом, будто у него внезапная амнезия: «О чем ты? Не понимаю...»

Цюй Цзайян: «Тьфу на тебя».

— Пошли, пора браться за тесты, — Ли Гэнчэнь за воротник утянул своего соседа наверх.

Цюй Цзайян просидел над тестами все четыре часа вечерней самоподготовки. За пять минут до звонка терпение лопнуло: он отшвырнул ручку и заерзал на стуле, словно на иголках. Старый стул ритмично заскрипел под его весом.

Мо Юэ, сидевшая впереди, кипела от праведного гнева, но помалкивала. Хотя за последний месяц школьный заправила стал куда покладистее, история с Второй матушкой Гао, которую он технично выжил из школы и довел до цугундера, заставляла всех держаться от него подальше.

— Всего пять минут осталось, а ты уже усидеть не можешь? — Ли Гэнчэнь искренне не понимал: как можно было прилежно "плавать в океане знаний" четыре часа, а под конец

начать так отчаянно рваться на волю?

Чжао Янь услышала это и ткнула подругу локтем:

— Забираю свои слова назад. Видишь вон того гения слева? Он единственный, кто не боится его трогать. Более того...

Мо Юэ: «?»

— Он единственный, кто смеет ерошить волосы заправиле, — прошептала Чжао Янь, косясь на руку Ли Гэнчэня на голове Цюя.

Не успела Мо Юэ ответить, как за спиной раздался знакомый звук трения — Цюя снова «приложили».

— Ну и, конечно, наш гений иногда нарывается на сдачу, — невозмутимо добавила учебная староста.

Мо Юэ: «...»

Цюй Цзайян, выпрямившись на стуле, посмотрел на волосы Ли Гэнчэня, которые в свете ламп отливали мягким блеском. Затем он мельком взглянул на свое отражение в окне: его крашенные волосы после всех экспериментов напоминали сухую солому. На фоне Ли он явно проигрывал.

— Ты... в воскресенье свободен?

— М-м? Собираешься переезжать?

Из-за инцидента с Гао Цюй Цзайян совсем забыл, что планировал перебраться в общежитие.

— А, ну да...

— Так ты свободен или нет? — Цюй вдруг осознал, сколько дел на него навалилось. Сплошная морока, только от тестов отвлекает.

— Свободен, — Ли Гэнчэнь кивнул, мысленно вычеркивая из графика поездку с родителями.

— Тогда... я зайду за тобой утром. Составишь мне компанию в одном месте, а потом уже займемся переездом?

— Хорошо, — Ли Гэнчэнь заметил, как покраснели уши соседа, когда тот замялся, объясняя цель поездки. Проявив такт, он не стал расспрашивать.

Раздался звонок с уроков. Цюй Цзайян вскочил и начал собирать рюкзак. В одиннадцатом классе те, кто жил в школе, могли сами выбирать: оставаться в классе или идти отдыхать. Оглянувшись, Цюй увидел, что таких, как он, желающих сбежать пораньше, можно пересчитать по пальцам одной руки — остальные вгрызались в гранит науки.

— Ладно, я пошел.

— Угу, — Ли Гэнчэнь еще не дочитал главу манги, так что решил остаться.

Цюй Цзайян медленно побрел к выходу. Заметив, что Ли Гэнчэнь снова ушел в мир рисованных историй и даже не подумал напутствовать его фразами типа «будь осторожен на дороге», он ощутил предательское желание бросить рюкзак и вернуться за парту.

Искорка этого раздражения горела в нем до самых ворот. В свете фонарей редкие фигурки учеников быстро рассеивались. Цюй Цзайян вытащил телефон, чтобы отсканировать код на велосипеде.

Экран мигнул: пришло сообщение. Минуту назад Ли Гэнчэнь прислал стикер с котенком, звонящим львенку, и подписью:

«Дун-яо, Дун-яо, я Дун-гуай. Доложи о прибытии домой. Приём».

<http://bllate.org/book/17542/1704962>